
ОБЩИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНЕЗИСА И ИСТОРИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И.С. Хугаев

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье обосновывается актуальность комплексного рассмотрения проблем генезиса и истории русскоязычной осетинской литературы, приводится необходимый терминологический и категориальный аппарат, определены приоритетные принципы и направления исследования младописьменной транслингвальной литературы.

Существование осетинской литературы так же бесспорно, как существование осетинского народа; существование *русскоязычной* осетинской литературы (РЯОЛ) требует обоснования — в этом состоит один из современных филологических парадоксов и важнейший вопрос осетинского литературоведения. Неоднократные попытки его решения приводят зачастую к радикальным взглядам, основывающимся на мнимых этических дилеммах. «Давно пора, — пишет, например, С.Д. Рамонов, — вынести четкое определение: осетинский (или какой-либо другой) писатель потому и называется осетинским, что творит на своем родном языке. Ни в коем случае нельзя уравнивать „русскоязычных“ и исконно национальных писателей, тем самым обесценивая творчество последних. Любая попытка дать русскоязычному произведению статус национального должна рассматриваться как серьезная угроза злокачественного перерождения национальной литературы» [1. С. 98].

Доказательством существования РЯОЛ, помимо прочего, может служить и комплексное рассмотрение вопросов генезиса и исторического развития РЯОЛ, включающее частные вопросы, связанные с категорией выражения национального в иноязычном (транслингвальном) литературном тексте.

Обоснование культурно-исторической реальности РЯОЛ должно быть минимальной программой подобного исследования, которая может быть реализована прежде всего в рамках рассмотрения генеалогических факторов и источников РЯОЛ. Только при решении данных вопросов становится логичным и правомерным системно-исторический взгляд на предмет исследования.

Характерно, что литература, о которой идет речь, никогда не подвергалась системно-историческому рассмотрению как раз потому, что не было общего мнения ни по поводу ее источников, ни по поводу ее «достоверности» и «аутентичности». В практическом исследовании немислимо базироваться на скептических оценках; рабочая гипотеза должна носить положительный характер.

Прежде всего следует исходить из того предположения, что русскоязычная осетинская литература — это объективное явление мировой литературной истории, обладающее своим индивидуальным и неповторимым *генетическим* кодом, *системностью* и *процессуальностью*.

Мы предполагаем также, что русскоязычная осетинская литература — это органическое явление осетинской культуры и произведение осетинского духа, осетинского мировосприятия, ибо языковой признак литературы, при всем его безусловном значении, не может однозначно регулировать данный вопрос и многие исследователи склонны критически относиться к «прямолинейным суждениям» типа: «на каком национальном языке написано произведение, к той национальной культуре оно и относится... Как тут не вспомнить о тех порой излишне затянутых спорах, которые разгораются по вопросу о том, в культуру какого народа вносят вклад писатели-билингвисты: в культуру своих народов или русского народа. Сама постановка вопроса в корне неверна, так как она не учитывает специфическое положение русского языка, который, не переставая быть, разумеется, языком русской нации, одновременно стал средством общения всех народов нашего многонационального государства... Вероятнее будет полагать, что наиболее выдающиеся произведения русскоязычных национальных писателей могут быть достоянием как своих национальных культур, так и русской культуры. В объяснении подобных явлений, на наш взгляд, следует отходить от привычных представлений и искать новые пути толкования нарождающихся фактов культурной жизни народов» [2. С. 28—29].

Уже сама по себе современная литература во всем ее языковом, стилистическом и тематическом разнообразии показывает, что совершенное владение языком не гарантирует *искусства*; подлинная литература произрастает только из этнокультурного корня. И даже если «русскоязычное творчество нельзя рассматривать как *необходимое* звено в развитии осетинской литературы» [3. С. 12] (курсив наш — И.Х.), то ничто не мешает рассмотреть его как *возможное* звено и компонент осетинской литературной истории и культуры. Мы допускаем, что то, что казалось возможным и случайным, при специальном рассмотрении может оказаться необходимым и закономерным.

В последние десятилетия социалистического литературоведения, в условиях дефицита специальных исследований в соответствующей области каждое попутное и механическое прикосновение к вопросу русскоязычия национальных литератур народов России только вносило дополнительную путаницу и заостряло проблему. Совершенно закономерно начал давать сбой собственно филологический (в первую очередь литературоведческий) научный аппарат. Так, неубедительность в вопросах национального и интернационального в части диалектических отношений формы и содержания литературного текста привела к тому, что проблема иноязычных литератур требует в высшей степени деликатного обращения даже на уровне ее общих формулировок и самой необходимой описательной лексики. Только на рубеже XX и XXI вв. вполне сформировался ряд соответствующих условий (геополитических, идеологических, культурных), и вопросы культурного и литературного билингвизма и транслингвизма начинают наполняться содержанием «суверенной» научной проблемы: возникла возможность специального, системного и диахронического взгляда на русскоязычную литературу младописьменных народов России.

Очевидно, что проблема *формулировки* исследуемого объекта (равно как и скепсис в отношении существования нашей литературы) связана в первую оче-

редь с понятием русскоязычия, которое всегда мыслилось в рамках альтернативы: *русскоязычная литература* — или *русская литература*? Казалось бы, можно предложить паллиатив этой дефиниции, обозначив объект как *русскоязычную литературу Осетии*. Такое определение более гибко, но и менее конкретно. Если литература произрастает исключительно из этнокультурного корня, то и фиксироваться она может только в *национальном* определении. Топонимическое же определение оставляет неясными контуры предмета: с одной стороны, оно предполагает рассмотрение русскоязычной литературы, созданной в Осетии, но не осетинами; с другой — упускает из поля зрения литературу, созданную осетинами за пределами Осетии.

Наиболее адекватным определением объекта представляется именно «русскоязычная осетинская литература». Только такая формулировка уточняет ее специфику: русскоязычная осетинская литература — это результат определенного культурно-исторического синтеза и конфликта, единства и борьбы (!) России и Кавказа, в известном смысле она возникает по поводу отношений Запада и Востока, Европы и Азии [1], и занимает, выражаясь схематически, некое *промежуточное* положение в контексте более широких (методологически) отношений между собственно русской литературой и собственно осетинской литературой (литературой на осетинском языке).

Поскольку РЯОЛ берет свое пространственное и временное начало в точке *соприкосновения* русской и осетинской национальных культур и, таким образом, является феноменом русско-осетинской *пограничной культурной зоны*, исследование проблемы предполагает постоянное внимание, с одной стороны, к русской литературе, с другой — к осетинской *осетиноязычной* литературе (ОЛ). Таким образом, большое значение в исследовании подобного рода явлений имеют категории пограничной культуры и границы как важнейшего семиотического механизма.

Термин «осетиноязычная» литература правомерен только с формальной точки зрения, и исследователям РЯОЛ этого не достаточно; мы не можем позволить себе употреблять его всякий раз, имея в виду осетинскую литературу на осетинском языке; вместе с тем и термин «осетинская литература» при решении наших задач, при фиксации частных положений будет, вероятно, требовать уточнения в отношении того, имеются ли здесь в виду обе ветви этой литературы или только одна.

Поэтому в целях прозрачности аналитического аппарата — именно в виду необходимости разграничения всех актуальных понятий — нам приходится-таки использовать и категорию «литература Осетии» (ЛО), которая объединяет две указанные (русскоязычную и осетиноязычную) ветви литературной традиции.

Категория ЛО актуальна там, где важно формально-логическое и экономное, оперативное указание осетино-русского *билингвизма* литературы и культуры Осетии; во всех остальных случаях позволительно говорить о билингвизме собственно ОЛ (русскоязычие является в данном случае *конкретизацией* и *уточнением* осетинского, причем препозиция уточняющего определения обусловлена исключительно интонационными, а не логическими или этическими, соображениями).

При изучении младописьменных литератур (каковой и является осетинская литература) особое внимание необходимо уделить национальной культуре с точки зрения «метаморфозы» из устной в письменную (вопрос разграничения РЯОЛ и ОЛ здесь не стоит, поскольку русскоязычные тексты Осетия начинает производить прежде осетиноязычных) и в эпоху утверждения собственной литературной традиции; детальному анализу подлежит литературная деятельность первых образованных осетин (мы еще не говорим «писателей», поскольку далеко не все просвещенные осетины указанной эпохи соответствуют этому понятию).

Задачи исследования обуславливаются тремя основными, в соответствии с формулировкой проблемы и гипотезы, направлениями работы: необходимостью выявления, во-первых, *объективных* и *субъективных предпосылок* возникновения РЯОЛ, ее источников; во-вторых, *структурной специфики* объекта, в-третьих, логики его развития в известном *культурно-историческом* и *социально-политическом контексте*.

Первое направление обязывает рассмотреть ряд вопросов *до-литературной истории* Осетии. Это спектр в первую очередь *генеалогических* вопросов, вопросов «происхождения» РЯОЛ.

Выявление и разграничение *имманентного* (внутреннего) и *внешнего* факторов в развитии всякой литературы представляется крайне желательным; и оно становится *необходимым*, когда речь идет об *иноязычной младописьменной* литературе, историческая траектория которой детерминирована, с одной стороны, внутренними законами культурного саморазвития народа, с другой — доходящим до прессинга влиянием целого комплекса *вполне оформившихся* идеологических тенденций и эстетических систем.

Среди *внутренних* условий и данностей генеалогический взгляд на РЯОЛ должен актуализировать прежде всего 1) языковые контакты (главным образом, русско-осетинские), 2) концепты осетинской филологической культуры: а) системы *устного* народного предания (*мифология, эпос, фольклор*), б) до-русские (до-кириллические) *письменные* прецеденты, 3) общую характеристику Осетии как семиотической «монады» и 4) ментальные осетинские «архетипы» в новейшую или *российскую* эпоху.

В числе *внешних* — архетипы русской культуры, православия и литературы Нового времени. Сюда относятся в совокупности (ибо Осетия «получила» их почти единовременно) литературные методы классицизма, романтизма, реализма и декадентские тенденции, жанры и стили, проблемы и типы (характеры) европейско-литературного канона Нового времени (Просвещения).

Второе направление включает в себя задачи изучения объекта — русскоязычной литературы Осетии — как некоего достаточно «автономного» художественного мира, как единого текста, вполне способного «стоять на своих собственных ногах», как *идейно-эстетической системы* методов, стилей, изобразительных средств, жанров, конфликтов, сюжетов, тем, характеров, типов и т.д.

Это спектр *теоретических* (по преимуществу) задач исследования. Они направлены на то, чтобы описать объект в имманентных ему свойствах и общих филологических параметрах. Данная точка зрения требует поправки на то обстоя-

ительство, что объект представляет собой *субстанцию*, т.е. в отношении своего контекста выступает уже как субъект, приобретает характеристики *действительного залога* в культурно-историческом процессе. При этом системные отношения внутри объекта рассматриваются в срезах условной единовременности, — поскольку всякая теория есть попытка фиксации процесса и опыта. Иначе говоря, это *пространственное* измерение объекта анализа.

Рассмотрение относящихся к объекту анализа частных вопросов должно помимо всего показать, что мы имеем дело не только и не столько с литературой Осетии, сколько именно с *осетинской* художественной литературой, с ее особой, русскоязычной «ветвью» [4. С. 4], с одной из коренных *форм общественного сознания* современных этнических осетин. «Двуязычие, — писал В.И. Абаев, — это не нечто навязываемое нам (осетинам — *И.Х.*) извне, а наша внутренняя, осознанная необходимость, наше естественное состояние, наша судьба» [5. С. 3]. Русскоязычие не может препятствовать наличию и выражению *национального* в тексте произведения и литературы в целом; национальное воздействует на «матричную» форму русского текста подобно тому, как языковой *субстрат* влияет на различные уровни того или другого языка.

Третье направление нашей программы актуализирует спектр *исторических* вопросов, *временное* измерение бытия объекта, следовательно, литературно-исторические проблемы. Здесь приобретает особую важность вопрос процессуальности, к которой мы относим следующие основные категории: *динамизм* (способность к развитию, трансформации, новации), *инертность* (способность к формированию традиции), *регулярность* (не-спорадизм), степень и качество *влияния на общественное сознание* и, самое главное, внутренние и внешние *литературные связи* на разных уровнях.

Положительное решение подобных вопросов будет означать подтверждение гипотезы исследования в части *историчности* рассматриваемой литературы, доказательство ее обладания собственной историей. Ибо история литературы — как большой литературный процесс — есть категория качественная; не всякий язык имеет собственный литературный опыт, свою литературу, и не всякая литература имеет свой исторический опыт, свою историю.

Проблематика исследования требует широкой методологической базы. Первостепенное значение имеют здесь труды по исторической поэтике и сравнительно-историческому языкознанию Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, А.А. Потебни, О.М. Фрейденберг, Ф. де Соссюра, В. Гумбольдта; по сравнительному изучению индоевропейских языков и осетиноведению — В.Ф. Миллера, В.И. Абаева, Ж. Дюмезиля и др.; по истории русского литературного языка — А.А. Шахматова и В.В. Виноградова; по истории Алании-Осетии — В.А. Кузнецова, В.Б. Ковалевской, Б. В. Скитского, М.М. Блиева и др.; по истории России и славянства — Б.А. Рыбакова и Л.Н. Гумилева; работы Ю.М. Лотмана по семиотике и типологии культуры (теория семиосферы и «семиотических механизмов»), исследования по литературной истории Ю.Н. Тынянова, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева; труды по сравнительному литературоведению В.М. Жирмунского и М.П. Алексеева; по современной теории языковых контактов — У. Вайнрайха, Л.В. Щербы, А. Мартине, Э. Кассирера, В.В. Виноградова, Е.М. Верещагина, современные ис-

следования различных аспектов литературного билингвизма и транслингвизма У.М. Бахтиреевой, А.А. Гируцкого, Ч.Г. Гусейнова, Н.Г. Михайловской, Б. Хасанова, Т.К. Черторижской, К.В. Балеевских, Р.О. Туксайтовой, С.Г. Николаева, этическое учение В.С. Соловьева, в частности, то, что мы называем его теорией «положительной глобализации» и значения войны в мировой истории; теория «архетипов» К. Юнга и исследования «пограничных культур» и «пограничного сознания» в современной социологии и геополитике С. Хантингтона, В. Цымбурского, О.В. Журавлева, И.В. Кондакова, В.Е. Багно и др.

Успешное решение поставленных в исследовании задач немислимо также без строгого учета достижений осетинской гуманитарной науки; необходимо актуализировать работы первых профессиональных осетинских критиков и литературоведов — Г. Дзасохова, Ц. Гадиева, А. Тибилова, А. Алборова, И. Джанаева (Нигера) и др., исследования по осетинской лингвистике, фольклористике, истории Осетии, этнографии, осетинской культуры, литературы и отдельным вопросам русскоязычной осетинской литературы Л.П. Семенова, М.С. Тотоева, В.Б. Корзуна, Н.Г. Джусойты, З.М. Салагаевой, С.Б. Сабаева, А.А. Хадарцевой, З.Н. Суменовой, Х.Н. Ардасенова, Б.А. Калоева, Т.А. Гуриева, Ш.Ф. Джикаева, К.Ц. Гутиева, Х.-М. Дзуццати, В.Н. Цаллагова, Ю.В. Хоруева, Н.Д. Цховребова, Л.А. Чибирова, С.Ш. Габараева, Т.А. Хамицаевой, Р.Я. Фидаровой, А.Х. Галазова, М.И. Исаева, Г.И. Кусова, В.З. Гассиевой, Т.К. Гальченко, В.А. Блажко, Р.З. Комаевой, Б.В. Кунавина, Ю.Д. Каражаева, Л.Б. Келехсаевой и других ученых.

Принципиальное значение имеет для нас то обстоятельство, что указанная здесь научно-критическая литература в абсолютно подавляющем большинстве исследований представлена русскоязычными текстами; она — как *осетинское* литературоведение, *осетинская* литературная критика и историография — есть не что иное, как законная и органичная часть РЯОЛ, результат ее исторического развития в определенном направлении и жанре.

Эта литература, несмотря даже на ее русскоязычие, не решила вопроса РЯОЛ, хотя, казалось бы, именно его-то она и должна была решать едва ли не в первую очередь. Весьма нерешительные указания на РЯОЛ как на органичную часть ОЛ и явление осетинской культуры [2] в определенной мере обусловлены и специфичностью гуманитарного знания вообще, в частности, литературоведческого гносеологического аппарата; в связи с этим представляется крайне желательным преодоление целого ряда филологических комплексов, особенно ярко проявляющих себя именно в «периферийной» филологической науке.

Осетинскому литературоведению следует поверить в собственную полномочность в решении вопросов, касающихся осетинского литературного русскоязычия [3], помня при этом, что действенность филологического анализа гарантируется обстоятельствами более тонкими, нежели точность собственно *точных* дисциплин; в основе скептических взглядов на филологический инструментарий «лежит неверное понимание подлинного смысла филологии. Они исходят из ложной предпосылки, будто филология познает суть вещей. Но хорошая филология как раз и высвечивает подлинную суть и смысл, не претендуя на их познание; она как раз защищает это существенное от смешения с филологически познаваемым,

составляющим ее непосредственную тему. За всеми передними планами, реалиями, источниками, контекстами, зависимостями, мыслительными схемами по мере того, как филология их выявляет, все более ясно проступает существенный смысл, субстанция, если, конечно, она есть, и, конечно, только для того, кто способен ее увидеть. Филологическое знание разрушает лишь ложное видение, и там, где оно поработало всего интенсивнее, оно открывает суть, ибо она одна остается в области подлинного незнания» [6. С. 22].

Мы отдаем себе отчет в том, что в известной мере обобщения и «ярлыки» неизбежны в силу жанровой обязательности обобщений, всегда сомнительных в историко-литературном отношении, с точки зрения текучести материала. При исследовании истории РЯОЛ предполагается компенсировать эту неизбежность специально хронологическим подходом, единственно при котором текст исторического исследования сам становится выражением этой истории. Чтобы исследовать процесс, надо ему сначала *следовать*, и хронологический порядок — здесь самый предпочтительный принцип, при котором у исследователя нет другого времени для обобщений, кроме пауз самой истории.

Признавая, что «произведение — это звено в цепи речевого общения» [7. С. 286], мы и литературный процесс как таковой уподобляем пьесе; теоретик и критик только пишут ремарки на ее полях.

Общая структура исследования определяется следующим тезисом. Мы говорим, что с учетом гетерогенного происхождения РЯОЛ, отраженного в ее формулировке, взаимодействие имманентных и внешних генеалогических компонентов или источников в реальных условиях XIX в. в Осетии дают сначала осетинскую литературу (или литературу Осетии) на русском языке и — несколько позже — осетинскую литературу (литературу Осетии) на осетинском языке.

Рассмотрение вопросов генезиса РЯОЛ должно быть сопряжено с анализом, во-первых, свойств культурной границы и пограничной культуры, во-вторых, культурных процессов на умозрительной границе русского и осетинского миров, явлений борьбы и синтеза указанных выше внешних и внутренних «архетипов», порождающих первые собственно литературные формы (в рамках осетинского билингвизма).

Периодизация литературы возможна в силу более или менее ярко выраженного *стадиального* характера литературного процесса и всегда организована *критерием отграничения* одного качественного состояния объекта от другого. Наиболее целесообразным подходом к любой литературной истории был бы, вероятно, такой, который соединил бы в себе, или комбинировал *объективно-социологический* и *имманентный* подходы. Литературу следует видеть «и как чудо, живущее по своим собственным законам, и как явление, взаимодействующее с другими» [8. С. 6]. Это тем более относится к РЯОЛ в силу ее *пограничного* (в указанном выше смысле) происхождения (социологический критерий в данном случае синонимичен вектору *внешнего* влияния и *внешней* оценки, поскольку до присоединения к России Осетия «не знала» сословного вопроса и классового антагонизма). Мы достаточно ясно видим обе опасности: и опасность «подмены литературной истории историей страны, увиденной через литературу» [8. С. 6],

и опасность «спецификаторства формализма» [8. С. 6], которым чреват сугубо имманентно-литературный подход к вопросу периодизации РЯОЛ.

Сопряжение полярных по своей сути критериев не только не является помехой, но, напротив, гарантирует стереофоническое освещение объекта и иммунитет от вульгаризаторских тенденций. В строгом смысле слова РЯОЛ следует рассматривать и как *осетинскую* литературу, и как *русскоязычную* литературу (как видим, все вопросы в конечном счете регулируются дефиницией исследуемого понятия).

Основные закономерности и характеристики литературного процесса в России в значительной мере корректируют литературное движение Осетии и, разумеется, в наибольшей степени — развитие его русскоязычной ветви. Общность языка должна обуславливать особую интенсивность влияния. Следует выявить важнейшие принципы соотношения хронологической (исторической) шкалы развития РЯОЛ с периодизацией русской классической литературы и осетинской литературы, а так же принять в строгий учет *динамические* параметры осетинского национального билингвизма как естественной социолингвистической базы литературного осетинского билингвизма и исторические формы и степени *сбалансированности* осетинского и русского языков в индивидуальном творческом сознании.

При таком подходе простой, однолинейной последовательности качественных этапов (со сколько-нибудь четкими границами, отделяющими одну фазу от другой) в истории РЯОЛ не наблюдается. Мы предполагаем, что задача диахронического взгляда на РЯОЛ заключается в выявлении ее условных «синхроний», «блоков» (или, по Ю.Н. Тынянову, «эпох-систем»), которые частично накладываются одна на другую; а что касается творчества крупнейших представителей РЯОЛ XIX в. — И.Д. Канукова и К.Л. Хетагурова — то они вообще не могут быть локализованы в соответствии с рамками возможных к выделению этапов, — но сами представляют важнейшие вехи исторической эволюции РЯОЛ [4].

Тем не менее в истории РЯОЛ налицо свои причинно-следственные отношения, свои экспозиции и завязки, свои периоды развития действия (т.е. количественных накоплений в рамках и формах метода, стиля, жанра), свои кульминационные вехи идейной интенсивности и эстетического качества литературы, наконец, свои развязки и эпилоги. Иначе говоря, динамика литературного движения в Осетии сама по себе имеет структуру сюжета и здесь налицо своя коллизия и интрига. Помимо прочего, мы надеемся показать, в чем заключается *интрига* развития РЯОЛ.

Сегодня ничто не препятствует объективному взгляду на исторический и литературный процесс прошлого. Актуальность исследования заключается, однако, не в том, чтобы примирить здесь различные концепции или выдвинуть новую, — а именно в том, что таковых — еще раз подчеркнем это — в принципе нет: русскоязычная осетинская литература (РЯОЛ) до сих пор не была объектом специального монографического исследования.

В случае положительного решения поставленных задач исследование расширит и углубит представления о механизмах зарождения младописьменных литератур России и алгоритмах их эволюции, о природе культурного билингвизма

и национального литературного транслингвизма («русскоязычия»), о формах и векторах влияния русской культуры и литературы на литературы народов Российской Федерации.

Необходимость методического решения поставленных здесь вопросов вызвана не только собственно филологическими обстоятельствами: наступает качественно новая геополитическая и культурная эпоха, требующая, в виду глобальных процессов, новых знаменателей для давно знакомых величин.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Рамонов С.Д.* «Русскоязычие» как проблема национальных литератур // *Дарьял*. — 1996. — № 1. — С. 91—98.
- [2] *Галазов А.Х., Исаев М.И.* Народы-братья, языки-братья: Русско-осетинские лингвокультурные контакты. — Орджоникидзе: Ир, 1987.
- [3] *Джусойты Н.Г.* История осетинской литературы: В 2 ч. Ч. 1. — Тбилиси, 1980, 1982.
- [4] *Салагаева З.М.* Четыре этюда об осетинской прозе. — Орджоникидзе: Ир, 1974.
- [5] *Абаев В.И.* Предисловие // *Галазов А.Х., Исаев М.И.* Народы-братья, языки-братья: Русско-осетинские лингвокультурные контакты. — Орджоникидзе: Ир, 1987.
- [6] *Ясперс К.* Ницше и христианство. — М.: Медиум, 1994.
- [7] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М., 1986.
- [8] *Архангельский А., Вайнштайн М., Новиков В.* «Требую судьбу»: к столетию рождения Ю.Н. Тынянова // *Литературная газета*. — 1994. — № 42.

THE GENERAL METHODOLOGICAL APPROACHES TO STUDYING OF GENESIS AND HISTORY OF THE OSSETIAN LITERATURE WRITTEN IN RUSSIAN

I.S. Khugaev

Department of Russian and Foreign Literature
Peoples Friendship University of Russia
Miklucho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The work claims actuality of complex consideration of problems of genesis and history of the Ossetian literature written in Russian; brings necessary terminology, categories, priority principles, and research directions for the study of translanguing literature having newly acquired a written form.